

Пережить и идти дальше

Рут Татрис

После смерти матери больше никому было ей писать. Тем неожиданнее было получить на деревенской почте письмо. Однако возможность открыть его предоставилась только поздно вечером, когда она разобралась с дневными делами и уложила Лоркана спать. Новости, прочитанные в письме, не радовали.

Она взяла из комода толстую свечу, зажгла ее и поставила на подоконник, потому что не имела возможности провести полноценный обряд. Пламя свечи отражалось в стекле, по которому стекали дождевые капли и превращали все, что было снаружи, в сплошную размазю.

- Аум намах Шивая, - тихо произнесла Рут, надеясь, что душа Шьямлала Махдави услышит ее даже здесь, в Тибетском монастыре, и все-таки найдет путь к Шиве. Лоркан заворочался во сне, но не проснулся, только повернувшись на спину и раскинув в стороны руки. Рут какое-то время смотрела на сына, его безмятежное гладкое лицо, но вспоминала почему-то другое - изрезанное глубокими морщинами, словно кора векового дерева, и загорелое, почти черное, с добрыми темными глазами, седой бородой и неизменной курительной трубкой. Затем встала, по привычке накинула куртку и вышла из их с Лорканом комнаты, имея весьма смутное представление, что собирается делать дальше. Обнаружила она себя под дверью, за которой, если ей не изменяла память, обитал Харольд. И, прежде чем она успела передумать, Рут подняла руку и трижды обозначила удар по двери.

Харольд Урс

Этим вечером Урсу не спалось. Он закрыл окно, потому что днем стояла невыносимая жара, а ночью резко холодало, и в комнате становилось даже морозно. Харольд зажег светильник и накинул поверх майки теплую клетчатую рубашу. Не монастырь а вытрезвитель какой-то. В этот момент в дверь постучали. Урс зачесал назад пятерней лохматые волосы и подошел к двери, чтобы впустить в комнату позднего гостя. К нему нечасто заходили знакомые, хотя он уже нашел в Линь Ян Шо пару приятелей и по совместительству собутыльников, которые изредка заходили. Но за дверью оказалась Рут, которую Харольд совершенно не ожидал увидеть.

- Привет, - удивленно сказал Урс, глядя на девушку. - Что-то случилось?

Он не мог придумать, почему бы еще Рут понадобилось к нему приходить. Они практически не общались, один раз вместе дежурили, и Урсу казалось, что он рожей не вышел для того, чтобы быть в числе доверенных лиц этой девушки. Сейчас он и вовсе был похож на лешего, а не на человеческое существо. Хорошо еще пиво не открывал, потому что от него не разлило алкоголем, как бывало долгими бессонными вечерами.

- Заходи, - догадался предложить Харольд и отступил на шаг назад от двери.

Рут Татрис

Какая глупая затея, прийти к человеку, с которым тебя связывает одно единственное дежурство по монастырю. Не лучше бы было остаться в своей комнате и справиться с произошедшим самостоятельно, не привлекая сюда окружающих, которым все равно нет дела до того, что происходит у тебя в жизни? Рут уже готова была повернуть обратно и уйти, но перед этим решила все же дождаться ответа на свой стук и извиниться перед Харольдом за причиненное беспокойство.

Удивление в голосе исландца было вполне ожидаемо. Рут бы тоже удивилась, обнаружив под своей дверью Медведя особенно после отбоя, особенно в дождь, особенно с таким, как у нее, отсутствующим выражением лица. Рут хотела произнести заготовленную речь с извинениями, но ее взгляд упал на бороду Харольда, напомнившую ей бороду Шьямлала Махдави, какой она была, вероятно, лет тридцать или сорок тому назад, и не смогла развернуться и уйти. Человеку нужен человек.

- Здравствуй, - поздоровалась она, но зашла не сразу, а лишь погодя, словно раздумывая над тем, действительно ли она должна здесь находиться. - У тебя есть спиртное? Алкоголь?

В ее мыслях это звучало также некрасиво, как и в реальности. Помнится, он прятал бутылки с пивом в сумке, которую принес на тренировочную площадку, когда они меняли столбы, справедливо, что о Харольде она подумала как о первом человеке, у которого можно найти такие напитки.

Харольд Урс

Урс внимательнее присмотрелся к Рут. Она выглядела странно, даже как-то растерянно. Он плохо подходил на роль задушевного собеседника, но хотя бы в качестве собутыльника мог сойти.

У Рут что-то случилось, что-то такое, что ей нужно было преодолеть. Урс не знал, почему именно его девушка сейчас выбрала, чтобы обратиться за помощью, но был готов эту помощь её оказать. Поделившись пивом и даже выслушав, если ей это было нужно. Он мог сыграть роль вагонного попутчика - малознакомого человека, которому ничего не нужно от неё, и от которого ничего не нужно самой Рут. Иногда такие разговоры - самый простой способ навести порядок в голове.

- У меня только пиво, но поделюсь, - ответил Харольд.

После того, как они с Дамьяном в деревне потравились местным пойлом, к тибетскому крепкому алкоголю он относился недоверчиво. Но зато пива у него был целый рюкзак, стоявший неподалеку от окна, чтобы не мозолил глаза если вдруг кто заглянет.

- Садись, - он кивнул в сторону матраса, расстеленного на циновке, на который было накинуто шерстяное одеяло.

Харольд придвинул ближе к матрасу низкий столик, постелил на полу еще одну

циновку напротив матраса и достал из рюкзака две банки пива, которые выставил на стол.

Рут Татрис

- Спасибо, - поблагодарила она, но, прежде чем опуститься на циновку, оставила кожаную охотничью куртку у входа на крючке. Комната оказалась точно такой же, какой и была ее собственная. Только они жили в ней вдвоем с Лорканом, Харольд же обитал в одиночестве, как и она раньше, до появления сына на свет. - Я обычно не употребляю алкоголь, но слышала, что иногда он...помогает.

Зачем она объясняет. Скорее всего ему все равно. Ей бы было все равно, приди он к ней с подобной просьбой. Рут не могла назвать себя очень общительной. Она никогда не бежала от разговора, но редко искала его первой. Она слишком привыкла проводить свою жизнь наедине с самой собой, что даже появление в ее жизни Лоркана не поменяло ее привычек, и ей все также нравилось и хотелось уходить из монастыря на долгие дни, а то и недели, проводя эти часы вдали от человеческого жилья на лоне дикой природы, которая была ей намного ближе, чем общество ей подобных. И все же она раз за разом возвращалась, сама не зная, зачем именно. Быть может, ей нравились тишина и безмолвие монастыря, или, может, было здесь что-то такое, что притягивало ее, как может притягивать что-то неразгаданное, что ты не можешь постичь.

Во время шраддхи - обряда по умершим родственникам - нельзя употреблять горячительные напитки, но Рут потеряла уже столько человек, что еще одна потеря выбила ее из колеи. Она чувствовала, что тонет во всем этом, не в состоянии выбраться самостоятельно.

Харольд Урс

Версия о том, что у Рут стряслось что-то серьезное, находила все больше подтверждений. Урс надеялся, что сможет ей помочь, хотя бы выслушав.

- Не всегда, иногда - да, - сказал Харольд. - Чаще помогает, если говорить.

Он сел на циновку напротив матраса и открыл обе банки. Он подумал, что не знал о Рут вообще ничего, даже во время их совместного дежурства толком ничего не узнал. Она вроде бы охотилась. Она всегда была себе на уме, не лезла общаться, как не лез к остальным и сам Урс. Но человек все равно социален, как бы ни пытался это отрицать. Иногда ему важно, чтобы он просто мог говорить перед кем-то живым, кто будет его слушать. И Харольд считал, что такие отношения важнее близкой дружбы и прочих тесных привязанностей. Когда никто ничего никому не должен, не клялся в вечной дружбе и тем более любви, но может просто прийти, выпить и говорить.

- Если хочешь - я готов слушать, - сказал Урс.

Рут Татрис

О чем она думала, когда шла через веранду жилого корпуса, когда стучалась в дверь Харольда Урса, человека с бородой, так похожей на бороду пожилого

мужчины, заменившего ей отца после смерти ее собственного? Наверное, ни о чем. Рут подумала о том, что устала всегда думать наперед, какой бы тавтологией этой не прозвучало.

Что она могла рассказать сейчас, в ответ на предложение поделиться, и слишком велик был соблазн произнести короткое «нет», которое лишило бы ее необходимости выворачивать душу перед почти незнакомым человеком.

И все же она не сказала ни «нет» ни «да», только невыразительно качнула банкой пива, делая первый глоток слегка прохладного, но не холодного напитка. Она никогда не была мастером задушевных разговоров, они казались ей слишком... бессмысленными. Так она думала до тех пор, пока не встретила Андерса, но эта история была совсем не о нем. Перевернутая страница ее жизни.

- Я не могу подобрать слова, чтобы рассказать все, что чувствую, - призналась Рут. – Мне нужен человек, с которым я могу немного помолчать не в одиночестве с самой собой. Может быть, это немного оформит мои мысли и развяжет язык, - она кивнула на банку.

Знать бы самой, что она чувствует. Сожаление? Тоску? Нет, не то. Пожалуй, да, именно одиночество. Когда общества одного Лоркана уже недостаточно, и хочется побыть рядом с человеком, который может говорить не только об игрушках и том, что он видел в монастыре нового за день. Или, стоило признаться себе, что ей было нужно общество именно мужчины? Или пойти еще дальше, и думать, что нужно было общество именно этого мужчины?

Харольд Урс

Харольд видел, что Рут была нужна его помощь, и ему казалось, что он готов ей помочь. И от него требовалось нечто даже более сложное, чем подрываться что-то делать или придумывать какие-то советы, которые по его мнению помогли бы выбраться из ситуации, в которой он не мог разбираться. Рут нужно было, чтобы её выслушали. Даже если она не будет говорить.

- Можешь говорить, можешь молчать, - сказал Харольд. - У меня достаточно пива на двоих.

Он отпил глоток прохладного пенного напитка и замолчал, глядя на Рут. Он надеялся, что она ему достаточно доверяла, что дало бы ей возможность проговорить ту боль, что её сегодня сюда привела.

- Я обещаю, что бы ты ни говорила, это все останется здесь, - добавил Урс.

Под этим обещанием он имел в виду не только и не столько то, что он ни с кем не будет обсуждать чужие тайны. Это было и так очевидно. Он хотел сказать, что и сам не будет завтра или в другой день задавать Рут какие-то личные вопросы о том, что услышит, если она не начнет разговор первой.

Рут Татрис

- Спасибо, - вот и все, что нашлась ответить Рут на слова Харольда. Ей нужно было

как-то подобрать слова, чтобы выразить то, что чувствовала. Рут не была наивной, она прекрасно знала, что люди умирают. В особенности старики, прожившие долгую, полную жизнь. Она видела много смертей. Некоторые уходят тихо, спокойно, с улыбкой облегчения на губах и светлым взглядом, как наверняка ушел из жизни Шьямлал Махдави. Некоторые уходят тяжело, надсадно и жадно дыша, как будто пытаются отвоевать каждый вдох у смерти, но все равно проигрывают ей, с мутным, ничего не видящим воспаленным от болезни взглядом, который лишь иногда заметен из-под опущенных ресниц. Так умер отец. Кто-то уходит, медленно угасая и тая, словно свеча, познавшая на себе слишком сильное пламя, смирившись с тем, что жизнь утекает капля за каплей, с взглядом, полным сожаления о том не совершенном, что было запланировано, о тех мечтах, которые так и не сбылись. Ее мать.

- Мой отец умер от брюшного тифа, когда мне было семнадцать. Моя мать - четыре года назад, на моих руках. Сегодня я получила письмо, из которого узнала, что умер человек, все эти годы заменяющий мне отца. Все они умерли.

Скорбеть об этом было так...непонятно. Когда умирал отец, Рут от него не отходила ни на шаг, хотя сама едва держалась на ногах после болезни. Она не плакала и позже, когда пылали погребальные костры на берегу реки, уничтожая плоть тех, кто проиграл болезни. Она не плакала, когда ветер развеивал по долине пепел от костра ее матери. Она вряд ли бы смогла заплакать и сейчас. Наверное, она просто не умела этого делать и не видела в этом никакого смысла.

Харольд Урс

Харольд молчал и слушал. Бывают ситуации, которые нельзя изменить или исправить. Эти ситуации связаны со смертью, она необратима. Нельзя сказать "все будет хорошо" или "не думай об этом". Есть слово, которое заменяет длинную фразу "я не знаю, что сказать, чтобы тебя поддержать, потому что таких слов не может быть". Его Урс и произнес вслух.

- Соболезную, - сказал он.

Рэт казалась ему очень сильной женщиной. Из тех, кто будет сама решать, что ей нужно, и сама идти к цели. Без всяких закатываний глаз в надежде на помощь мифических принцев. Если она была при этом привязана к отцу и тому, кто его со временем заменил, эти люди были достойными такой дочери. Возможно, она могла получать поддержку только от них, потому что не могла или не хотела доверять кому-то еще. А теперь она этой привычной поддержки лишилась, и это было для ней настолько тяжело, что сейчас она пришла к Урсу, потому что ей нужна была хоть какая-то помощь.

- Хочешь его помянуть? - спросил Харольд.
